

Сергей Вахрин

ТАЙНЫ КАМЧАТСКИХ ИМЁН

Том I

История происхождения камчатских фамилий

Камчатские родовые фамилии

История камчатских фамилий

(А-С)

Петропавловск-Камчатский

Холдинговая компания

«Новая книга»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос–рус)6
В22

Вахрин С. И.

В22 Тайны камчатских имён : в 2-х томах, том I / С. И. Вахрин. – Петропавловск-Камчатский, 2014. 1008 стр.

Книга Сергея Вахрина открывает многовековые тайны происхождения фамилий, которые носят коренные жители Камчатки и Командорских островов. В первом томе дается история происхождения этих фамилий, приводится алфавитный список фамилий и начинается рассказ о каждой фамилии от А до С, продолжается он от Т до Я во втором томе книги, которая уникальна громадностью и качеством собранного материала.

ISBN 987–5–87750–267–3

© С. И. Вахрин, 2014
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

Описание имён Камчатки

*«...Не забудь их, моя Россия,
добрым именем помянуть!..»*

П. Комаров

Эта книга, по праву сказать, писалась Сергеем Ивановичем Вахриным целую жизнь: идея родилась в 1960-х гг., еще в детстве, а в 1980-х появился первый цикл публикаций в газете «Камчатская правда», который назывался «Камчатские фамилии», а затем – уже в 1990-х – пошли книги: «Покорители Великого океана», «Потомки остроклювого бога (камчадалы)», «Встречь солнцу», объединенные одной общей идеей раскрытия тайны истории камчатской земли и ее жителей – аборигенов, казаков-первопроходцев, зверопромышленников, народных воинов, защищавших свою землю от англо-французов и японцев, будущих создателей той Камчатки, которой по праву сегодня гордимся мы, нынешние ее жители.

Первым заметил и отметил очерки «Камчатские фамилии» Георгий Германович Поротов, который 26 декабря 1984 г. написал рецензию на эти публикации.

«Благороден труд человека, взявшего на себя работу поднять из заметы имена землепроходцев, которые дали начало русской Камчатке. Один из потомков первооткрывателей – Миронов Георгий Николаевич, так об этом сказал:

...Только товарищи знамениты:
Ермак, Дежнев, Атласов...
Водили они нас, голытьбу хмельную,
На волю – казачью родину!
Мы же – казаки Мироновы,
Записаны были однажды
В казачьи бунтовщики,
И больше ни разу не упомянуты.
Так все камчатские казаки –
Русские землепроходцы...

Певец Дальнего Востока Петр Комаров в своем стихотворении «На краю России» эту же мысль доводит до высокого звучания:

...Землепроходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть!..

Так что автор взял нужную для Камчатки тему. В своих исторических очерках он пробует протянуть родословную землепроходца до наших дней. Трудная миссия. Если судить по очерку «Бутины», то автор вполне справился со своей задачей. Поездка в Большерецкий и Соболевский районы (совместно с Г. Г. Поротовым и В. И. Семеновым в 1982 г. – Ред.) дала свежий, еще не перелопаченный исследователями материал. Устами Бутиных говорит сама история Камчатки, и все это подкреплено документами, фактами. Свежо.

...Желаю автору хорошо закончить благородную работу».

И вот перед нами двухтомник, как итог огромной работы, в которой по крупицам собран материал об истории одной огромной семьи народов Камчатки, породнившихся за два столетия совместного проживания и выживания на этой земле с момента ее географического открытия и до Великого Октябрьского потрясения.

Этот исторический материал, как никогда, необходим сегодня всем, в том числе и нам, законодателям, чтобы с фактами в руках определиться со статусом коренных малочисленных народов Камчатки и размытом в современном понимании исконном значении для полуострова слова «камчадал», которым в исторической литературе и в архивных документах обозначали в 18-м – начале 20-го столетий аборигенов Камчатки – самый древнейший из коренных малочисленных народов полуострова, названных в XX веке ительменами для выделения небольшой северо-западной группы аборигенов, не утративших в 20-х годах прошлого столетия свой родной язык. Камчадалы же, в большинстве своем утратившие по разным причинам родной язык, как известно, в эти же самые 1920-е гг. были записаны в документы «русскими» и восстановили свое исконное этническое происхождение только в конце прошлого века, что и породило в конечном итоге множе-

ство современных проблем по восстановлению этнических прав аборигенов и появлению на Камчатке нового современного «этноса» – «лжеКМНС», связанного с реализацией прав коренных малочисленных народов Камчатки на рыболовство, как обеспечение традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Поэтому по поручению Комитета по рыболовству Законодательного Собрания Камчатского края прошлого созыва Сергей Иванович Вахрин, помимо своей писательской работы, проделал еще одну – он собрал исторические сведения практически обо всех камчатских фамилиях, которые существовали на полуострове до 1893 года, и сегодня, благодаря этим исследованиям, с уверенностью можно сказать о том, что потомки камчадалов и русских старожилов Камчатки, родившихся до 1893 года (а точнее до 1908 года – до начала реализации столыпинских реформ о свободном заселении Камчатки выходцами из центральных российских губерний), являются представителями одной семьи народов Камчатки камчадалами-аборигенами и камчадалами «русской крови» (как писалось в старинных документах). И, таким образом, создается реальная основа для разработки законодательного статуса камчадалов, как коренных малочисленных народов Камчатки, позволяющих восстановить свое исконное право на этническое происхождение для природных камчадалов (в том числе и «русской крови») и исключить из этого списка коренного народа Камчатки всех к нему «примкнувших». Это очень серьезная и важная задача, решение которой позволит в значительной степени освободить великие лососевые реки Камчатки от браконьеров, скрывающихся сегодня под личной «лжеКМНС».

Но это все же не главная, а второстепенная (попутная) задача. Главное заключается в том, что эта книга привлекает самое пристальное внимание к истории камчатских фамилий. Точнее, каждая камчатская старинная фамилия – это кладезь для истории Камчатки в целом. Никто еще не задумывался над этим и ни в одном исследовании столь глобально не отражена история камчатских фамилий и роль представителей этих фамилий в тех исторических процессах и событиях, которыми жила Камчатка на протяжении целого ряда столетий.

Но и это еще не конец – это только начало для продолжения работы по истории камчатских фамилий. Вы обратите, конечно, внимание, что огромный пласт материалов этой книги собран

самими потомками старинных камчадалских фамилий – Спешневыми, Селивановыми, Аббакумовыми, Григорьевыми, Келтякиными, Логиновыми-Лонгиновыми... – всех и не перечислить. И потому я уверен, что Сергею Ивановичу Вахрину в скором времени нужно будет готовиться к переизданию основной части этого двухтомника – «Истории камчатских имён», которую обязательно дополнят потомки тех камчадалских фамилий, которым есть что рассказать об истории своей семьи, но которые (по разным причинам) не успели или не смогли этого сделать раньше.

А мы, со своей стороны, обязательно поможем автору, чтобы эти исторические материалы, сведения, факты, воспоминания, фотографии были увековечены в камчатской истории.

*Роман Георгиевич Гранатов,
Заместитель Председателя Законодательного Собрания
Камчатского края, председатель Комитета
по природопользованию, аграрной
политике и экологической безопасности*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга – плод труда многочисленных исследователей истории Камчатки и потомков тех, кто родился и вырос на полуострове. Трудно перечислить всех, кто прямо или косвенно участвовал в создании этой книги, начиная с отчетов первых землепроходцев, в которых названы имена тех, кто навсегда оставил свою фамилию в истории нашей земли – Владимир Атласов, Иван Козыревский, Афанасий Шестаков...

Степан Петрович Крашенинников, Карл фон Дитмар, академик Владимир Леонтьевич Комаров собрали в своих научных описаниях полуострова не только сведения о животном и растительном мире Камчатки, но и целую россыпь сведений о представителях родовых фамилий полуострова – аборигенах и русских старожилах, об истории камчатских династий.

Но самый большой вклад по сбору материалов о камчатских фамилиях внесли, безусловно, камчатские краеведы и потомки камчадалов (и аборигенов, и породнившихся с ними русских казаков, крестьян, церковно- и священнослужителей, а также мещан – горожан).

Всех их невозможно перечислить, так как материал собирался в буквальном смысле по крупицам. Но не могу не назвать Елену Павловну Абрамову (архивариуса и представителя семьи камчадалов Чуркиных), Ирину Васильевну Витер (камчатского историка), Викторию Зиновьевну Михайлову (руководителя краеведческого клуба «Камчадал» в с. Мильково из династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых), Виктора Ивановича Борисова (издавшего несколько книг воспоминаний камчадалов о своих родовых корнях), Владимира Ивановича Самборко (потомка крутогорских камчадалов Килтякиных – Кинтякиных-Колтякиных-Келтякиных – и украинца из Каменец-Подольска Саввы Макаровича Самборко), дочь известного краеведа из Соболевского района, заслу-

женной учительницы России Елизаветы Федоровны Радьковой (в девичестве Спешневой) – Надежду Лысогор, журналиста и краеведа Нину Толман, библиотекарей Соболевской библиотеки, участников форума сайта «Камчадалы.ру».

И, конечно, не могу я не назвать представителей славного рода камчадалов Аббакумовых – Абакумовых. Нина Николаевна Аббакумова (сейчас Зеленкова) преподает в средней школе села Коряки и успешно занимается краеведением. Благодаря ей собран великолепный материал для очерка «Просветительница из Малок», посвященный ее матери, представителю известной в России (особенно в Сибири) фамилии Болдыревых, породнившейся с малкинским родом камчадалов Аббакумовых.

Но особенная благодарность ее братьям Андрею и Владимиру, благодаря помощи которых на форуме сайта «Камчадалы.ру» (www.kamchadaly.ru) появились разделы, посвященные истории камчатских фамилий, которыми сегодня может пользоваться каждый желающий, имеющий доступ в Интернет. И не только пользоваться, но и активно пополнять разделы собственными материалами из семейных архивов – фотографиями, воспоминаниями, легендами...

История камчатских династий – это наша общая история, проходящая через судьбы отдельных родов, семей и конкретных людей. История камчатских династий – это детализированная история Камчатки, имеющая не только общие крупные корни, но и отдельные небольшие ветви и даже маленькие листочки. Тем она и ценна. Впрочем, судить об этом будут те, кто прочтет эту книгу – плод коллективного многовекового труда.

*Сергей Вахрин,
член Союза писателей России*

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАМЧАТСКИХ ФАМИЛИЙ

История происхождения камчатских фамилий отражает один из важнейших этапов сближения коренных жителей полуострова и русских колонистов. Колонизация Камчатки, как известно, процесс весьма не простой – это и бунты камчадалов, это и эпидемии заразных болезней, опустошающие камчадальские и русские остроги и острожки, это и насильственные переселения аборигенов с западного побережья на восточное, а также в центральную часть Камчатки, для сохранения транспортной связи (называемой в народе «каюрной гоньбой») между населенными пунктами и резиденциями камчатской администрации в Большерецком, Верхне- и Нижнекамчатских острогах или в Петропавловском порту.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла в жизнь коренного населения Камчатки целый ряд весьма значительных перемен – им было разрешено свободное расселение (а до этого аборигены не имели права свободного переселения, так как платили ясак и были приписаны к конкретному населенному пункту), а в 1926 году коренных жителей южной Камчатки (около тридцати поселков в современных Соболевском, Усть-Большерецком, Мильковском, Елизовском, Усть-Камчатском районах) объявили русскими, так как они утратили свой собственный язык и переняли обычаи, традиции и культуру русских людей.

И только фамилии этих камчатских жителей позволяют достоверно установить, кто они по своему историческому происхождению – природные камчадалы или русские старожилы (потомки казаков, матросов и солдат, промышленников – зверобоев, крестьян, мещан, ссыльнопоселенцев или церковно- и священнослужителей).

Сегодня эти данные о своем происхождении потребовались многим коренным жителям Камчатки, которые хотели бы восстановить свою национальность: ведь в 2000 году камчадалы добились официального признания названия своего народа, которое известно еще со времен похода Владимира Атласова, присоединившего в 1697 году Камчатку к России, но которое не было официально признано в советское время и заменено на другое название народа – «ительмены», существующее и по сей день на северо-западе полуострова в Корякском автономном округе, где в 1926 году местные аборигены продолжали еще говорить на своем национальном языке.

Согласно исследованиям С. П. Крашенинникова, камчадалскими (ительменскими) или курильскими (по названию жителей южной Камчатки – куру (айну) или курильских камчадалов) были следующие села, многие из которых существовали еще в первые десятилетия Советской власти вплоть до времен лососевой экологической катастрофы в связи с крупномасштабным японским дрейфтерным промыслом в 1950–1970-х гг. и «борьбы с неперспективными селами», когда пошел процесс укрупнения и разрушения мелких поселений, как это было по всему Советскому Союзу в 1960-х годах: Апачин (Каликин), Начикин (Мышху), Утка (Усаул), Кихчик (Чаапынгак, Кыгынумт, Чачамжу), Кол, Воровское, Паратунка (Камарчин), Ганалы (Чаничев), Машура (Кунупочич), Шапин (Шепен), Толбачик (Тулуачь), Козыревск (Накшин, Колю), Колпаковский (Шкуажчь), Крутогоровский (Тахлютаынуум, Тахлаатынуум), Оглукоминский (Такаут), Ичинский (Оаут), Сопочный (Сичикан), Морошечный (Адагут), Белоголовый (Мильхия, Мильх), Хариузовский (Гунтын – Макайлон), Брюмкин (Ковранский), Камаки (Пеучев, Шванолом), Харчинский (Усть-Еловский), Еловка (Верхнееловский, Колилюнуч), Напана, Аманино, Утхолокский, Кахтана. У Крашенинникова не указаны только села Шаромы, Кирганик, Ушки, Явино, Голыгино, Малка, Седанка и Коряки.

Всеполярная перепись 1926 года бесстрастно зафиксировала, что жители всех этих сел называют себя камчадалами. Но этнографы с этим не посчитались.

К счастью, сохранились фамилии, которые смогли многое рассказать о коренных камчатских династиях (аборигенов и русских старожилов) и с их помощью многие камчадалы смогли восстановить историческую справедливость.

Фамилии свои камчатские аборигены получили, как правило, в XVIII (реже в XIX) веке при крещении. Крестными отцами выступали (не только очно, но и заочно) русские казаки, матросы, промышленники, крестьяне, ссыльные и сами священники.

Камчатка в тот период была разделена на три присуда-района. В Большерецкий (где ясак взимали казаки из Большерецкого острога, и которые, соответственно, участвовали в крещении аборигенов этого присуда) входили острожки Апача, Начика, Утка, Кихчик, Немтик, Кол, Воровской. Для этого присуда характерны следующие фамилии казаков: Елисеев, Шадрин, Борисов, Соболев, Укусников, Слободчиков, Кривогорницын, Сторожев, Лукашевский, Новограбленный, Антонов.

К Верхнекамчатскому присуду относились села Ганалы, Машура, Щапино, Толбачик, Козыревск, Колпаково, Крутогородо, Облуковина, Ича, Сопочная, Белоголовое, Хариузово, Ковран. Фамилии казаков (и других участников этих «крестовых» походов), выступавших в роли крестных отцов, – Краснояроров, Борисов, Слободчиков, Дьяконов, Заев, Садовников, Баранников, Наянов, Бекеров, Вагин, Пермяков, Машихин, Беляев, Дурынин.

К Нижнекамчатскому присуду относились села Камаки, Еловка, Харчино, Ушки, Тигиль, Напана, Аманино, Утхолок. Характерные фамилии казаков – Кузнецов, Расторгуев, Шишкин, Арефьев, Саламатов, Панов, Осьминин, Черных, Колегов.

Помимо казаков участие в крещении принимали камчатские мореходы – Бутин, Сметанин, Петров, Неводчиков, Ключев, Турнаев, купцы Трапезников и Красильников, ссыльный Запороцкий.

Но самый большой вклад в камчатские фамилии внесли, конечно же, камчатские священники: представители династии Лазаревых, Волковых, Черных, Верещагиных, Чуркиных, Никифоровых, Логиновых-Лонгиновых, Сновидовых, Колле-

говых, миссионеры Ласточкин, Притчин, Хотунцевский, Климовский, Неводчиков, Шишкин, Софрыгин, Правозеров, Шергин и др.

Интересно проследить динамику продвижения по Камчатке фамилий священнослужителей, которые позже, в период появления Камчатской епархии, служили на огромной территории Дальнего Востока и Русской Америки (материал взят из моего очерка «Предыстория Камчатской епархии», Краеведческие записки, 1993 г. и книги А. И. Белашова «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, 2006 г.):

1716 год

«В июле 1716 г. для исполнения духовных треб в Якутск и камчатские остроги из Тобольского Знаменского монастыря был послан иеромонах Иосиф Лазарев с сыном. Ему был положен очень значительный по тем временам оклад в 40 руб., 96 пудов хлеба и 5 пудов соли». Умер 8 мая 1736 года. Сын Андрей, выполняющий при отце обязанности причетника (дьячка и пономаря), женился на камчадалке и погиб в Нижнекамчатске во время Харчинского бунта 1731 года.

1741 год

4 июня 1741 года освящена первая камчатская церковь – Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатском остроге. Священник Ермолай Иванов (умер в 1749 г.), дьячок Михаил Ермолаев Иванов.

1743 год

Иркутским епископом Иннокентием присланы священники в церковь Успения Пресвятой Богородицы в Большерецком остроге Михаил Сивцов (дьячок камчадал Шарыпов) и в подаренную Витусом Берингом бывшую походную церковь Рождества Пресвятой Богородицы – Филиппа Волкова (умер в 1750 г.), дьячок Михаил Волков, родной брат священника.

При Верхнекамчатской часовне служил дьячком казачий сын Василий Чуркин.

1745 год

Священником Верхнекамчатской церкви определен Симеон Васильев (умер в 1750 г.), дьячком его сын Евсевий, пономарем – якутский казачий сын Кореев.

Пополнен притч Большерецкой церкви из миссионерской свиты архимандрита Камчатского: архидиаконом Авксентием, дьячком из якутских казачьих детей Петром Даниловым и «пономарем, вскормленником находившейся на устье р. Камчатки заимки Якутского Спасского монастыря Стефаном Софрыгиным».

1756 год

Иркутским епископом Софронием Кристалевским был рукоположен в священники сын Симеона Васильева Евсевий (на место умершего отца) и Стефан Софрыгин (направленный в Тигильскую Христорождественскую церковь).

1758 год

Епископ Софроний рукоположил в священники Стефана Никифорова (Нижнекамчатская Успенская церковь, жена – дочь священника Ермолая Иванова – Ирина), Максима Лазарева (Ключевская Троицкая церковь, умер в 1768 г.), Иоанна Уваровского (Ичинская Вознесенская церковь, умер также в 1768 г. от оспы).

1761 год

Епископ Софроний рукоположил в священники Петра Логинова (Большерецкая Успенская церковь, умер в 1771 г.).

1762 год

На место Филиппа Волкова в Петропавловскую Богородско-Рождественскую церковь рукоположен епископом Софронием Василий Кореев.

1767 год

14 ноября рукоположен в священники Роман Васильевич Верещагин и определен в Нижнекамчатскую Николаевскую церковь.

1776 год

24 ноября в Иркутске на место умершего Петра Михайловича Логинова определен и рукоположен в Иркутске сын отставного казачьего пятидесятника Леонтия Черных – Георгий (умер 18 мая 1786 г.).

Вместе с ним был рукоположен и назначен священником Ичинской Вознесенской церкви «вскомленник» ссыльного лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Ивана Кириаковича Сновидова – Иоанн.

1777 год

7 января рукоположен и определен в Ключевскую Троицкую церковь сын ключевского тойона Лыкоча (Никиты Евдокимовича Коллегова) Григорий (умер 27 февраля 1797 г.).

1779 год

Тигильская Христорождественская церковь, священник Петр Попов.

1797 год

На место умершего священника Григория Никитовича Коллегова определен его сын Михаил (скончался в сентябре 1852 г.), рукоположенный в сан священника Иркутским епископом Вениамином 21 апреля.

1808 год

Нижнекамчатск, церкви Успения Божьей Матери и Святителя и Чудотворца Николая, духовные:

протопоп Никифор Стефанов Никифоров;

священник Иоанн Романов Верещагин;

священник Алексей Петров Логгинов (так записал эту фамилию иеромонах Гедеон, проводивший ревизию камчатских церквей в 1803–1808 гг.);

диакон Михаил Стефанов Никифоров;

дьячок Стефан Михайлов Никифоров;

пономарь Петр Михайлов Никифоров.

Парохиальные (приходские клирики):

дьячок Василей Васильев Шишкин;

пономарь Андриан Михайлов Никифоров;
диакон Михаил Стефанов Никифоров;
дьячок Стефан Михайлов Никифоров;
пономарь Петр Михайлов Никифоров.

Большерецкая церковь Успения Пресвятой Богородицы.
священник Алексей Георгиев Черных;
дьячок Иоанн Петров Логгинов;
пономарь Петр Николаев Логгинов.

Верхнекамчатская церковь Богоявления Господня.
священник Федор Романов Верещагин;
священник Георгий Максимов Лазарев;
дьячок Никита Георгиев Черных;
пономарь Иоанн Георгиев Лазарев.

Гаванская (Петропавловская) церковь Рождества Пресвя-
ты Богородицы.
священник Александр Георгиев Черных;
дьячок Федор Федорович Верещагин;
пономарь Алексей Николаев Логгинов.

Тигильской крепости церковь Рождества Христова.
священник Леонтий Георгиев Черных;
дьячок Афанасей Романов Верещагин;
пономарь Михаил Алексеев Логгинов.

Ключевская церковь Живоначальной Троицы.
священник Михаил Григорьев Колегов;
дьячок Игнатий Георгиев Колегов;
пономарь Алексей Васильев Шишкин.

Ичинская церковь Вознесения Господня.
священник Иоанн Иоаннов Сновидов;
священник Петр Иоаннов Сновидов;
дьячок Александр Иоаннов Сновидов;
пономарь Никифор Романов Верещагин.

1823 год

В Мильково 13 января освящена перенесенная сюда из Верхнекамчатского острога церковь Богоявления Господня.

1826 год

26 ноября в Петропавловске освящен собор во имя святых апостол Петра и Павла. Протоиерей Никифор Никифоров.

1834 год

Прибыли «два священника – Стефан Вениаминов и Игнатий Правоверов, назначенные к предположенным дранкинской и лесновской церквям».

1837 год

27 ноября в Нижнекамчатске «...умер и приложился к праху своего родителя Камчатский протоиерей Никифор Никифоров».

1838 год

Построена новая церковь в Гижиге – Спасская. Священник-миссионер Стефан Вениаминов.

1843 год

Перенесена из Лесной церковь в Палану – Лесновско-Паланская Николаевская церковь. Священник Стефан Вениаминов, брат епископа Камчатского.

Камчатский архиерей Иннокентий (Иннокентий Вениаминов, митрополит Московский и всея Руси, апостол Сибири и Америки) 12 января в Тигильской Христорождественской церкви произвел первое рукоположение священника. Им был выпускник Камчатского духовного училища Алексей Логинов (с новой династической линией – Лонгинов).

1844 год

На базе Гижигинской церкви стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская Благовещенская церковь.

Священник Роман Иоаннов Верещагин, пономарь Иннокентий Иоаннов Трифонов.

1848 год

Священником Гижигинской церкви назначен Никифор Петрович Никифоров (служил в ней до 1882 года). Дьячок – Иоанн Андреевич Сновидов.

1864 год

Рукоположен в священники Иоанн Андреевич Сновидов, который прослужил в Гижигинской церкви до 1893 г.

1872 год

Ичинская Вознесенская церковь перенесена в село Облуквино.

1886 год

Градо-Петропавловский собор.

Благочинный камчатских церквей и приходов протоиерей настоятель собора Петр Апполинариев Донской.

Священник Владимир Петров Донской, диакон Григорий Михайлович Коллегов, исправляющие должность псаломщика Зинов Иоаннов Иванов, Трифон Хабаров.

Мильковская Богоявленская церковь.

Священник Иоанн Александров Титов, исправляющие должность псаломщика Симеон Сипаев, Александр Андреев Благовидов.

Ключевская Троицкая церковь.

Священник Иаков Васильев Крохмалев, исправляющие должность псаломщика Ксенофонт Иванов Михайлов, Петр Ксенофонов Михайлов.

Нижнекамчатская Успенская церковь.

Священник Геронтий Коллегов, заштатный священник Иона Петров Никифоров, исправляющие должность псаломщика Петр Ионов Никифоров, Георгий Симеонов Сновидов.

Дранкинская Иннокентьевская церковь.

Миссионер священник Илия Иоаннов Пляскин, исправля-

ющий должность псаломщика Анфим Иоаннов Шергин, пономарь Игнатий Николаев Ощепков.

Паланская Николаевская церковь.

Священник Алексей Лонгинов, исправляющие должность псаломщика Василий Алексеев Лонгинов, Сергей Петров Донской.

Тигильская Христорожественская церковь.

Священник Иннокентий Ильин Коллегов, исправляющие должность псаломщиков Василий Геронтиев Коллегов, Николай Алексеев Лонгинов.

Облуковинская Вознесенская церковь.

Священник Андрей Владимиров Серебренников, исправляющие должность псаломщиков Владимир Серебренников, Алексей Владимиров Серебренников.

Большерецкая Успенская церковь.

Священник Иван Иосифов Попов, исправляющие должность псаломщиков Осип (Иосиф) Сторожевский, Константин Петров Лонгинов, заштатный дьячок Иоаким Федоров Верещанин.

Гижига, округ (стан) Корякской миссии.

Миссионер-священник Петр Лонгинов.

1889 год

Священником в Гижигинскую церковь определен потомок первого Тауйского священника Петр Алексеевич Черных (служил до 1907 г.).

Конечно, перечисленные фамилии крестных отцов (казачков, купцов, мореходов) и священников не исчерпывают весь список, более того, пока мы в основном ограничились только фамилиями, полученными аборигенами Камчатки. Да и из этой группы мы взяли только наиболее характерные, чтобы выде-

лить общую закономерность формирования и распространения камчатских фамилий. Время, естественно, внесло свои коррективы: так, например, фамилия курильцев (курильских камчадалов, айну) Лукашевских оказалась (в связи с переселением курильцев на Камчатку) в с. Ганалы, а затем и в селе Начики; фамилия машуринских камчадалов Мерлиных из долины реки Камчатка – в с. Голыгино на западном побережье полуострова; ряд западнокамчатских фамилий, наоборот, появляется в долине реки Камчатка в связи с переселением сюда жителей северных поселков, которых обошла стороной эпидемия оспы.

Чтобы представить себе масштабы обрушившейся на Камчатку катастрофы, мы приведем пример с одним из крупнейших острогов долины реки Камчатки (устье современной реки Хапиды) – Капичурер, или Капитовский (Капитовка): К. Дитмар пишет: «...мы прошли мимо остатков... острога Капитовского, находящихся на правом берегу реки, и этот острог в доброе старое время был очень оживлен и имел зажиточное население, теперь же он совершенно опустел». Во времена С. П. Крашенинникова здесь числилось 32 ясачных плательщика (взрослых мужчин, глав семейств). Все население вымерло в зиму 1799/1800 гг. во время эпидемии «гнилой горячки», завезенной вместе с полком генерала Сомова. В 1812 году этого поселения, судя по архивным материалам, уже не существовало.

То же самое случилось и с острожками Каменный и Щековский в долине реки Камчатка, которые уже никогда более не были восстановлены, а оставшиеся в живых жители расселены по окрестным селам, более нуждающихся в «каюрах».

Восстанавливали только те обезлюдившие населенные пункты долины, которые были необходимы для поддержания «каюрной гоньбы» – зимнего камчатского «тракта», движение по которому, связывающему Нижнекамчатский и Верхнекамчатский остроги с Петропавловским портом и Большерецким острогом, поддерживалось с помощью нартовых упряжек и, соответственно, – камчадалов-ездовых.

Каждое такое переселение строго фиксировалось в документах, и при желании их можно было бы разыскать и просле-

дить историю практически любой камчатской фамилии, тем более что в дореволюционное время «инородцев» строго учитывали и каждые 10 лет составлялись так называемые «ревизские сказки» – перепись «ясакоплательщиков». Но, к сожалению, от этих архивных документов мало что осталось.

К началу XX века в камчадальских (то есть аборигенных) селах доминировали две-три основные фамилии на село, и на основе того, что нам удалось собрать, мы можем их сейчас назвать:

Село Аманино – Няяновы;

Апача – Антоновы, Загайновы, Пановы, Тезкины, Уваровские, Черных;

Белоголовое – Заевы, Слободчиковы;

Воровское – Спешневы, Трапезниковы;

Воямполка – Баранниковы, Лазуковы, Панкарины;

Ганалы – Дурынины, Лукашевские, Осьминины;

Голыгино – Астафьевы, Бутины, Коневы, Мерлины, Притчины;

Еловка – Турнаевы, Чурины;

Ича – Петровы, Сновидовы, Тескины, Уваровские;

Камаки – Кузнецовы, Расторгуевы;

Кахтана – Баранниковы, Бекеровы, Жилияковы, Жуковы, Мохнаткины;

Кинкиль – Няяновы, Шмагины;

Кирганик – Мерлины, Пермяковы, Чуркины;

Кихчик – Кривогорницыны, Укусниковы;

Ковран – Притчины, Слободчиковы;

Козыревск – Кречетовы, Рыковы, Сысоевы, Чуркины;

Кол – Костинские;

Колпаково – Волковы, Наседкины, Слободчиковы, Толстихины;

Крутогородо – Борисовы, Ворошиловы, Кинтякины (Колтакины), Поповы;

Лесная – Белоусовы, Нестеровы, Суздаловы, Ягановы;

Малка – Аббакумовы, Волковы, Пановы, Пермяковы;

Машура – Докучаевы, Красильниковы, Пермяковы, Потоповы;

Морошечное – Дьяконовы, Запороцкие, Садовниковы;
Напана – Наседкины, Протунцевские, Ягановы;
Начики – Бурнашевы, Уваровские;
Облуковина – Климовские, Кузьмины, Петровы, Сновидо-
вы, Соболевы;
Палана – Мохнаткины, Никифоровы, Шамагины;
Седанка – Бекеровы, Запороцкие, Пономаревы, Федотовы;
Сопочное – Волковы, Жирковы, Павлущики, Слободчи-
ковы;
Толбачик – Метевские, Слободчиковы;
Утка – Николаевы, Сторожевы, Яцкие;
Утхолок – Заевы, Ласточкины, Слободчиковы, Суздаловы;
Ушки – Жировиковы, Ключевы, Ощепковы, Тюменцевы;
Хайрюзово – Бобровские, Даниловы, Краснояровы, Тра-
пезниковы, Шадрины;
Харчино – Ключевы, Сновидовы;
Щапино – Беляевы, Краснояровы, Мерлины;
Явино – Бутины, Дехтеревы, Игнатьевы.

В Центральном государственном архиве ДВ РСФСР в г. Томске (ф. 1044, оп. 1, д. 129) мне в свое время посчастливилось обнаружить практически полный список народных ополченцев Камчатки, принявших участие в обороне нашего полуострова от японцев в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Полностью он опубликован в очерке «Хроника неоконченной войны» (см. том II), чтобы, во-первых, увековечить имена героев, благодаря героическому подвигу которых Камчатка осталась за Россией (в 1930-х годах большинство из ополченцев, в том числе и за то, что они состояли «в жандармских дружинах», были объявлены японскими шпионами по «Тигильскому делу» и делу «Автономная Камчатка» и репрессированы), а во-вторых, восстановить фамильное ядро многих современных камчатских родов, ведь в народное ополчение, как правило, записывались зрелые мужчины – многодетные отцы камчатских семейств того времени, деды и прадеды наших современников-камчадалов.

До 1917 года практически в первозданном (как в XVIII–

XIX веках) виде сохранялись и русские остроги, и села Камчатки с их населением – казаками (Нижекамчатск, Верхнекамчатск, Большерецк, Усть-Камчатск, Сероглазка и Тигиль) и крестьянами (Мильково, Ключи, Николаевка, Паратунка), мещанами (г. Петропавловск-Камчатский с «выселками» – Старый Острог, Халактырка).

В 1838 году в Нижекамчатске (исключая династии казаков, которые были переведены в Усть-Приморск) проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

В Верхнекамчатске казаки были переведены в крестьянское сословие в связи с расформированием казачьей команды. Это Зимины, Дурынины, Машихины.

Большерецкий острог после расформирования казачьей команды и перевода ее в Усть-Приморск населяли крестьяне (Кравченко, Бречаловы, Игнатьевы) и отставные казаки (Селивановы).

Усть-Камчатск, Тигиль и Петропавловск с выселками (Сероглазка, Халактырка) были казачьими населенными центрами вплоть до 1917 года.

По данным архива за 1832 г. в Мильково, основу которого составляли крестьяне-переселенцы из Усть-Илимского края, прибывшие на Камчатку в первой половине XVIII века, проживали представители следующих фамилий: Коксаров (Кошкарев), Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12).

Формирование населения села Ключи происходило как за счет крестьян-переселенцев из Сибири в первой половине XVIII века (Голых), так и из жителей Нижекамчатского острога, которые по разным причинам переходили в крестьянское сословие (Удачин) и переселялись в Ключи.

Население Старого Острога (Завойко, Елизово) формировалось из разных сословий: мещан (из потомков отставных казаков и солдат) – Машихины, Винокуровы, и крестьян – Заочные, Бибиковы.

Население села Авача было представлено представителями различных сословий и групп: крестьян и мещан, а также служащих по казачьему или морскому ведомству.

Население Николаевки и Паратунского куста (Паратунские ключи, Озерновский) – из отставных солдат Камчатского гарнизонного батальона (мещан и крестьян) и крестьян, прибывших на Камчатку при губернаторе В. С. Завойко.

Практически все население русских казачьих, крестьянских и мещанских сословий находилось в тесном родстве с коренным населением полуострова и фактически все русские старожилы Камчатки, проживавшие на данной территории до 1908 года, являются камчадалами (аборигенами) «русской крови», как и писалось в свое время в официальных бумагах XVIII–XIX веков (Белашов А. И., «Очерк истории Камчатской и Петропавловской епархии», 2006 г., стр. 25).

В 1908–1912 годах в связи с началом массового переселения жителей центральной России в Сибирь и на Дальний Восток и началом развития рыбной промышленности в области появляются новые села и поселки на Камчатке – Запорожье, Тарья, вторая Николаевка (в шести верстах от Усть-Камчатска), Перфильевка (с. Жупаново), Утербергерово (п. Озерновский), Опала (Отрадное) и другие.

В 1930-х годах в связи с мощным развитием прибрежного рыболовства на Камчатке возникают десятки новых поселков – рыболовецких колхозов и рыбоперерабатывающих комбинатов. Население Камчатки стремительно разрасталось, и маленький островок из коренного населения полуострова (камчадалов и породнившихся с ними русских старожилов) потерялся среди моря приезжих, которые, прожив на полуострове не один десяток лет и став старожилками Камчатки, тоже стали гордо называть себя камчадалами.

Династий коренных старожилов на полуострове сегодня уже даже не десятки, а многие сотни, и каждая из них также заслуживает особого внимания и изучения, так как составляет часть нашего общего исторического наследия.

В настоящее время «исконно» коренное (выделенное советскими этнографами) население полуострова Камчатка – итель-

мены – проживает только на территории Тигильского района: в Тигиле, Ковране и Хайрюзове. Несколько семей осталось в с. Усть-Хайрюзове, Седанке, Палане. Сравните: по первой Всероссийской переписи населения 1897 г. аборигены-ительмены (записанные в переписных листах как камчадалы) проживали в 35 населенных пунктах. Это Пущино, Шаромы, Кирганик, Машура, Щапино, Толбачик, Козыревск, Ушки, Харчино, Еловка, Камаки, Коряки, Явино, Гольгино, Начики, Апача, Ганалы, Малка, Утка, Кихчик, Кол, Воровское, Колпаково, Крутогорovo, Облуковина, Ича, Сопочное, Морошечное, Белоголовое, Хайрюзово, Ковран, Утхолок, Напана, Седанка, Аманино.

Но так как на ительменском языке говорили только жители последних восьми сел, то только их и признают ительменами, что же касается остальных сел, то там, как отмечали этнографы, «жили так называемые камчадалы, которые очень близки по быту, материальной культуре и даже внешнему облику с изучаемой нами народностью (ительменами. – С. В.)».

Но кто же такие камчадалы и к какой нации или народности они должны относиться?

Известно два толкования слова «камчадалы»: во-первых, так называли коренных жителей Камчатки – будущих после 1926 года «официальных» ительменов – казаки в XVIII–XX вв.; во-вторых, так называли потомков русских жителей Камчатки (казаков, крестьян, торговцев, священников), рожденных от смешанных браков с местным коренным населением.

В таком случае камчадалы – это либо ительмены, либо русские с ительменской, курильской, корякской, чуванской или чукотской кровью (поэтому в Магаданской области также проживают современные камчадалы).

Каким же образом можно установить, кто на самом деле проживал в этих селах (ительмены или русские), если для исследователей это не представлялось возможным из-за общего сходства быта, материальной культуры, внешнего облика жителей Камчатки? За основу для объективной оценки в этом случае был взят язык, на котором говорили жители того или иного населенного пункта: на родном, ительменском, говори-

ли, таким образом, ительмены, на русском – русские. Дешево – и сродно. Поэтому жители всех неительменоязычных камчадалских сел полуострова были записаны русскими.

На наш взгляд, дифференциация камчадалов на русских и ительменов по одному только языковому признаку была достаточно категоричной, тем более что на полуострове за 200 лет со времени прихода первых русских землепроходцев по весьма специфическим и объективным условиям сложился особый разговорный язык – камчатское наречие русского языка.

Но не это главное. Давайте, прежде всего, ответим на вопрос о том, какие причины могли побудить ительменов забыть родной язык и повсеместно, за исключением небольшой труднодоступной, практически изолированной территории, вмещающей восемь сел, перейти в своем повсеместном общении на русский язык.

Вспомним, например, что в период массового крещения ительменов на Камчатке была создана целая сеть школ, преподавание в которых велось только на русском языке и «новокрещенные инородцы» обучались русской грамоте, чтобы читать церковные книги.

Уже в 1745 году были открыты первые школы на Камчатке. «Камчатка в середине XVIII в. в отношении сети школ выглядела самым культурным, самым образованным уголком Российской империи» (Браславец К. М. «Диалектологический очерк Камчатки», с. 58). Правда, это был все-таки не очень продолжительный период в истории камчатского просвещения, но, тем не менее, он сыграл свою, безусловно, очень важную роль в ассимиляции языков и выработке общекамчатского наречия русского языка. Но это не главная причина – в основном переход на камчатское наречие произошел после 1768 и 1800 годов, когда обрушившиеся на полуостров эпидемии различных болезней унесли тысячи жизней, в результате чего обезлюдели десятки поселков, расположенных в зоне так называемой «каюрной гоньбы» – вдоль главной транспортной линии полуострова, связывающих самые густонаселенные районы полуострова. Чтобы восстановить транспортную связь между камчатскими административными центрами, эти «мертвые»

поселки заселялись людьми из отдаленных, незатронутых эпидемией мест с юго-западной, северо-западной и юго-восточной части полуострова, где местные аборигены разговаривали на особых локальных диалектах и плохо понимали друг друга. И, естественно, аборигены для общения не имели никакого выбора, кроме камчатского наречия русского языка.

То есть с языком не все так просто, чтобы исключать из списка коренных малочисленных народов Севера аборигенов Камчатки – камчадалов и камчадальских курильцев (айну, курильских камчадалов – жителей Курильской земли, о которой писал еще С. П. Крашенинников), а также породнившихся с ними русских старожил.

В таком случае, если быть справедливым в отношении ко всему камчадальскому народу, за основу определения национальных признаков необходимо брать не тот язык, который был зафиксирован в отдельных северо-западных селах этнографами в 20-х годах прошлого столетия, являющегося, по мнению современных лингвистов, камчадальским наречием корякского языка, а тот, что исконно принадлежал его жителям в начальный период заселения Камчатки русскими. Но такого языка уже не существует!

С. П. Крашенинников называет нам существовавшие еще в его бытность на Камчатке аналоги русских названий поселений аборигенов на их собственном языке. Если поднять все последующие перечни камчадальских поселений, то мы легко отыщем эти названия в списке именно «инородческих острожков», мужское население которых платило ясак русскому царю до 1917 года.

Что же изменилось за последующие годы и почему после Полярной экспедиции 1926–1927 гг. коренные жители этих исконно «инородческих» поселений, записавшись в «камчадалы», превратились в «русских»?

Не изменилось ровным счетом ничего.

У И. Огрызко приводятся данные о соотношении коренного и русского населения в этих селах за 1887 и 1897 годы:

Малки (62 к 6; 103 к 6)

Ганалы (87 к 0; 84 к 0)

Пушино (14 к 5; 24 к 0)
Шаромы (39 к 2; 40 к 9)
Кирганик (36 к 1; 62 к 0)
Машура (85 к 1; 99 к 0)
Щапино (39 к 1; 49 к 3)
Толбачик (29 к 0; 57 к 18)
Козыревск (78 к 0; 59 к 0)
Ушки (40 к 0; 48 к 9)
Камаки (16 к 6; нет сведений)
Харчино (38 к 14; 53 к 3)
Еловка (47 к 0; 58 к 0)
Аманино (59 к 4; 77 к 9)
Седанка (87 к 0; 109 к 0)
Напана (48 к 0; 66 к 0)
Утхолок (66 к 0; 91 к 0)
Ковран (84 к 0; 113 к 0)
Хайрюзово (199 к 0; 268 к 0)
Белоголовое (40 к 0; 47 к 0)
Морошечное (87 к 0; 117 к 5)
Сопочное (81 к 0; 90 к 0)
Ича (54 к 16; 76 к 0)
Облуковина (98 к 23; 94 к 31)
Крутогорово (41 к 5; 85 к 0)
Колпаково (84 к 5; 98 к 14)
Воровское (98 к 1; 129 к 3)
Коловское (49 к 1; 67 к 1)
Кихчик (60 к 1; 70 к 0)
Утка (40 к 1; 53 к 0)
Апача (99 к 9; 122 к 9)
Начики (43 к 3; 41 к 0)
Явино (40 к 8; 33 к 3)
Гольгино (31 к 8; 57 к 1)
Коряки (41 к 28; нет сведений)

Эти данные свидетельствуют о том, что роль русского населения в ительменских селах, как правило, незначительна. Статистика в данном случае отражает появление здесь времен-

ных людей – учителей, священников, торговцев, отставных казаков. Что же касается местного коренного населения, то Камчатка до 1912 г. была закрыта для свободного заселения и люди жили в строго определенных местах. Переселение производилось только по разрешению властей. Русское население в середине XVIII в. состояло примерно из 700, в 1897 г. – из 2 584 человек. Все эти меры ограничения притока русского населения применялись именно в целях пресечения или замедления процесса ассимиляции, для того, чтобы в казну исправно поступал камчатский ясак, который платили только «иностранцы».

То есть поселения камчадалов существовали в соответствии со своими традициями и обычаями. Это происходило в условиях естественной ассимиляции в результате смешанных межэтнических браков с русскими старожилами. Но и здесь ситуация в пользу коренных – аборигенов, особенно в первой половине XVIII века, когда шло активное заселение Камчатки казаками и крестьянами, было значительно больше (в «разы»), чем русских, и, таким образом, шло не обрусение аборигенов, а окамчадаливание русских первопоселенцев. А потом в течение двух столетий, до известных Столыпинских реформ 1907–1912 гг. по освоению Сибири и Дальнего Востока, активный приток новых русских поселенцев на Камчатку (после расформирования Камчатского гарнизонного батальона – бывшего Сомовского полка) практически прекратился. Поэтому и русских старожилов Камчатки смело можно относить к исконным, то есть коренным, камчадалам, хотя не все (даже они сами) с этим согласны.

Но с этим была полностью согласна бывшая царская администрация Камчатки – точнее Приморское областное правление, куда Камчатка входила как округ, когда в соответствии с указами этого Правления представители как коренного, так и местного населения могли быть переселены на новое место проживания, независимо от того переселялись ли русские старожилы в места проживания коренных или коренные из одного поселения в другое, переходя из коряков в камчадалы и наоборот.

В 1880 году (указ 3159) из селения Козыревского в селение Толбачикское были переселены семьи Андриана Страннолюбс-

кого и Степана Терентьевича Семенова. Филипп Иванович Семенов (указ 2694) был переселен из селения Козыревского в селение Машуринское. В том же году Василий Федорович Чечулин с женой Устинией и дочерью Матреной указом № 3163 переселены из селения Дранкинское в Озерновское (восточное). В 1882 году указом № 6042 были переселены в селение Карагинское Дмитрий Иванович Никифоров (из селения Вывенское) и Георгий Иванович Правоверов (из Олюторского) с семьями. В 1883 году указом за № 273 был переселен из Мильковского селения русский крестьянин Ананий Иванович Краснояров в селение Щапино, которое считалось традиционным местом поселения аборигенов – камчадалов (ительменов). В 1884 году (указ № 6583) сюда же переселены из селения Николаевское русские крестьяне Степан Кириакович Татарин и Харитон Иванович Коркин с семьями. Евгений Осипович Слободчиков с женою в 1882 г. переселен из селения Корякского в селение Начикинское. Александр Кузьмич Марков, наоборот, переселен из селения Начикинского в селение Корякское. Переселенцы могли остаться жить на новом месте, а могли быть и возвращены назад: например, в 1884 году Клим Васильевич Мерлин был возвращен из Начикинского селения в Гольгинское. Василий Софронович Рыков с женою Марией и дочерью Соломонией (указ № 3076) «исключен из наличных душ Козыревского селения», так как таковой не был записан в прошлой 12-й ревизии камчадалом Козыревского селения, «а значится крестьянином Ключевского селения» (см. ЦГА ДВ, ф. 87, оп. 1, дд. 146, 154, 155, 160, 165). Последняя запись на самом деле ключевая – она объясняет, почему в долине реки Камчатки так много дублирующих фамилий среди русского старожильческого населения и той части населения, которая официально значится в числе аборигенов – камчадалов: Рыковы, Докучаевы, Краснояровы и др. Поэтому, когда в 1880 году Гавриил Никонович Рыков с семейством указом № 2698 переселен из Козыревска в селение Ушковское и записан «камчадалом», то это вовсе не значит, что он перестал оставаться русским крестьянином и не мог быть возвращен на свою малую родину – в селения Ключевское или Крестовское, но в

официальных документах, проживая в Козыревске и Ушках, он и его дети значились «камчадалами», хотя и он сам, и его дети были потомками ключевских крестьян Рыковых.

И потому, возвращаясь к основной нашей теме, сделаем вывод о том, что самым главным доказательством национальной принадлежности жителей вышеперечисленных сел к аборигенам – камчадалам (или ительменам) – все равно являются их собственные фамилии и места постоянного проживания до установления на Камчатке Советской власти.

До появления на Камчатке русских местное население не имело фамилий – собственных родовых имен, передаваемых по отцовской линии из поколения в поколение, от родоначальника династии до его прямых потомков, живущих уже в наше время. Поэтому изучение истории происхождения камчатских фамилий может помочь нам более детально разобраться в вопросе о действительной национальной принадлежности камчадалов 27 селений, некогда располагавшихся на территории современных Усть-Камчатского, Елизовского, Усть-Большерецкого, Мильковского и Соболевского районов, а теперь проживающих на всей территории Российской Федерации (а не только Камчатки) и за рубежом, по тем или иным причинам покинув свою малую родину.

На Камчатке первые фамилии у местных жителей появились уже в начале XVIII в., и связано это было с крещением «инородцев». Первоначально процесс образования этих фамилий шел от имен самих крещеных – например, сын вождя Тарьи стал новокрещеным по фамилии Тареин, дети тойона Харлуча – Харчиными. Затем фамилии новокрещенные камчадалы стали получать от своих восприемников – крестных отцов: священников, казаков, и других русских людей, по той или иной причине принимавших участие в миссионерской деятельности или сопровождавшие отряды миссионеров для обеспечения собственной деятельности среди туземцев – посадские люди, купцы, промышленники, матросы, осуществлявшие доставку партии миссионеров в отдаленные места на камчатском побережье и Курильских островах.

Крещение местных жителей проходило в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности появления тех или иных фамилий у коренного населения Камчатки...

Первый этап (1705–1745 гг.) характеризуется тем, что крещением местных жителей занимались как специально присланные для этого священнослужители (Мартиниан – Нижнекамчатск, 1705; Иосиф Лазарев – Нижнекамчатск, 1716; Ермолай Иванов – Верхнекамчатск, 1732; Михаил Сивцов – Большерецк, 1743; Филипп и Михаил Волковы – Петропавловская гавань, 1743; Максим Лазарев, Михаил Иванов – Нижнекамчатск, 1743; Василий Чуркин – Верхнекамчатск, 1743), так и казаки (Пермяков – Верхнекамчатск; Новограбленный – Курильские острова, Кузнецов – Нижнекамчатск и др.).

Но основную роль на первом этапе крещения инородцев сыграли камчатские казаки, которым крещение камчалалов вменялось в служебную обязанность, поэтому именно казачьи фамилии представлены в общем списке родовых фамилий камчадалов наиболее широко и повсеместно.

Казаки давали камчадалам как собственные фамилии, так и фамилии тех, кого уже не было в их рядах, в память об этих людях (в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова мы встречаем немало таких примеров: так тойон (вождь) Оглукоминского (Такаут) острожка получил фамилию Атласов, тойон из Апачинского острожка – Чириков (по фамилии приказчика, убитого казаками в одно время с В. Атласовым).

Именно казаки подарили камчадалам известные сегодня всей Камчатке фамилии Слободчиковых, Гуторовых, Заевых, Пермяковых, Дьяконовых, Красноярковых, Пановых, Антоновых, курильцев Новограбленных, Лукашевых, Сторожевых и др.

Второй этап крещения камчадалов связан с деятельностью на полуострове специальной партии миссионеров, которую возглавил архимандрит Камчатский – Иоасаф Хотунцевский (с 1745 г.).

У нас есть, благодаря обнаруженному мною в Центральном Государственном архиве Дальнего Востока РСФСР документу, возможность проследить определенные закономерности закрепления камчатских фамилий за инородцами в тот пери-

од. Так, например, на р. Озерной в 1747 г. курильцы получили следующие фамилии: Новгородов (тойон), Заев, Новограбленный, Осламов, Андреев, Дьяконов, Томин, Красильников, Бутин, Диаконов, Шпанберхов, Трапезников, Шелковников, Сторожев, Волков, Дехтерев, Краснояров, Никифоров.

Расклад примерно таков: миссионеры (Волков, Никифоров) прибыли в Озерную по пути на Курильские острова на казенном судне (поэтому среди «новокрещенных» появляется фамилия морехода Бутина) вместе со сборщиками ясака из Большерецка (Новограбленным, Новгородовым, Заевым, Осламовым, Андреевым, Дьяконовым, Томиным, Диаконовым, Сторожевым, Дехтеревым, Краснояровым) и торговыми людьми (Шелковниковым, Трапезниковым, Красильниковым). Правда, не совсем понятна причина появления среди «новокрещенных» фамилии члена Второй Камчатской экспедиции М. Шпанберга, которого в это время уже не было на Камчатке после завершения Второй Камчатской экспедиции, – видимо, она дана в честь морского офицера, в недавнем прошлом – командира казенного морского судна (по некоторым данным Шпанберг в свое время и сам участвовал в крещении курильцев и дал свою фамилию одному из курильских тойонов).

Показательно в этом отношении и крещение курильцев на о. Шумшу в том же 1747 г. Опять же, как и в Озерной, часть курильцев получила фамилии сборщиков ясака казаков Сторожева, Слободчикова, Паранчина, Антонова, Диаконова, Заева, Попова, Новограбленного, морехода Бутина, матросов Сметанина, Леонтьева, Петрова, Емельянова, купцов и промышленников Басова, Соловьева, Трапезникова, Красильникова, миссионеров Никифорова и Волкова. Неизвестно только, к какому сословию принадлежали Шергин (возможно, имя получено в память о бывшем камчатском приказчике Андрее Шергине) и Филиппов (возможно, тоже из казаков), фамилии которых также были даны при крещении курильцам о. Шумшу.

На следующем Курильском острове – Парамушире – курильцы получили фамилии большерецких казаков Паранчина, Антонова, Новограбленного, Слободчикова, Сторожева, Антонова, миссионеров Никифорова, Притчина (который, судя

по другим данным, не мог быть в это время на этом острове, так как он давно уже вернулся в Якутск, в монастырь), Неводчикова, мореходов и промышленников Петрова, Бутина, Соловьева, Сметанина.

А вот как шло образование камчадальских родовых фамилий в других районах Камчатки в этот же период при архимандрите Камчатском Иоасафе Хотунцевском:

1745 год

Западное побережье Камчатки. Крутогурово – Волков (священник), Краснояров (действующий казак), Атласов (покойный атаман); Облуковина – Атласов, Борисов (действующий казак), Диakoнов (тоже), Слободчиков (Большеречский церковный староста из казаков): Ича – Диakoнов; Сопочная – Притчин (диакон), Слободчиков; Морошечная – Атласов; Белоголовая – Дьяконов, Притчин, Слободчиков; Хайрюзово – Заев (казак), Краснояров; Ковран – Волков, Притчин, Слободчиков, Трапезников (купец).

Долина р. Камчатки. Хапица – Шишкин (казак); Камаки – Арефьев, Саламатов (казаки); Каменный – Ушаков (возможно, крестьянин из с. Ключи); Харчино – Неводчиков (возможно, мореход, возможно, из миссионерской свиты – было два Неводчиковых в этот период), Петров (матрос); Козыревск – Шадрин (казак); Машура – Панов (казак); Кирганик – Осминин, Черных (казаки).

1747 год

Западное побережье Камчатки. Колпаково – Борисов, Краснояров (казаки); Сопочная – Павлуцкий (погибший в этот год на Чукотке офицер, проводивший на Камчатке следствие по Харчинскому бунту после 1731 года, то есть имя дано в память о человеке), Чириков (покойный приказчик или бывший заместитель В. Беринга, но в обоих случаях фамилия дана в память о ком-то из них); Морошечная – Запороцкий (ссылный), Садовников (казак); Хайрюзово – Баранников (казак), Слободчиков; Ковран – Заев; Напана – Заев, Наянов (казак), Попов (казак); Тигиль – Баранников, Бекеров (представитель

миссионерской свиты), Борисов, Бречалов (из посадских Большерецкого острога), Верещагин (казак), Калинин (?), Наянов, Притчин, Соснин (купец).

Восточное побережье Камчатки. Кроноки – Карандашев (казак), Михайлов (казак), Панов (казак), Рюмин (казак); Семлячик – Панов, Чоглонов (?).

1748 год

Западное побережье Камчатки. Тигиль – Борисов, Бречалов, Заев; Ича – Минюхин (казак), Мошков (мореход), Павлуцкий, Панов, Притчин, Трапезников, Уксусников (казак), Федоров (возможно, в память о подштурмане Иване Федорове, первооткрывателе с Гвоздевым Аляски), Краснояр; Оглукомина – Атласов, Климовский (священник), Слободчиков, Соболев (казак), Трапезников, Уксусников; Колпаково – Вагин (казак), Верещагин, Борисов, Заев, Уксусников, Федоров, Шибанов (казак); Крутогорovo – Путилов (казак); Облуковина – Красильников (купец); Морошечная – Заев, Павлов (казак), Садовников, Слободчиков, Сметанин (матрос), Трапезников; Хайрюзово – Заев, Шадрин; Напана – Арефьев, Бекеров (представитель миссионерской свиты), Мохнаткин (казак), Притчин; Верхнее Хайрюзово – Притчин; Тигиль (р. Пирожникова) – Панов; Воямполка – Прокопьев (?); Хайрюзово (Нижний острог) – Притчин, Слободчиков; Седанка – Баранников, Еганов (солдат из партии миссионеров), Пройдошин (казак).

Долина р. Камчатки. Толбачик – Чуркин (казак); Машура – Дурынин (казак), Осьминин, Панов, Попов, Пермьяков, Ракин (?), Хметевский (в честь морского офицера); Кирганик – Осьминин, Чуркин, Шелковников (промышленник); Щапино – Иванов (священник).

1749 год

Западное побережье Камчатки. Кол – Новограбленный (казак), Маслучев (?); Воровская – Елисеев (?), Притчин, Шадрин; Колпаково – Борисов, Шибанов (казак), Пирожников (?); Крутогорovo – Атласов, Верещагин, Павлуцкий, Слобод-

чиков; Облуковина – Дехтярев (казак), Крашенинников (в память о студенте С. П. Крашенинникове), Соболев (казак), Трапезников, Уксусников; Ича – Атласов, Карымов (казак), Наседкин (казак), Притчин, Трапезников, Шабалин (Шебалин, казак); Сопочная – Притчин, Слободчиков; Белоголовая – Заев, Запороцкий, Слободчиков, Шадрин; Хайрюзово – Заев, Запороцкий, Наседкин, Притчин, Слободчиков, Уксусников; Брюмка – Запороцкий, Лапин (купец), Притчин.

Долина р. Камчатки. Еловка – Ермолаев, Колегов (казак), Могилев (?); Харчино – Теребякин (Теребяков, казак), Холщевников; Камаки – Теребякин.

1750 год

Долина р. Камчатки. Камаки – Арефьев, Иконников (казак), Колегов, Чудинов (казак); Козыревск – Холщевников; Толбачик – Попов; Еловка – Колегов, Колокольников (казак, судостроитель), Турнаев (матрос); Горбуновский – Пономарев (казак), Санников (казак-мореход).

Западное побережье Камчатки. Апача – Верещагин; Кихчик – Карымов; Ича – Карымов, Хмылев (Хмылевский, казак); Воровская – Волков, Елесов (?).

1754 год

Западное побережье Камчатки. Хайрюзово – Притчин; Колпаково – Наянов; Воровская – Волков, Гиляшев (казак Гилев?), Мирамьгин (казак), Слободчиков, Спешнев (в память о судовом подмастерье Иване Спешневе), Шадрин, Шелковников; Кол – Волков, Горлов (толмач), Сивцев (священник); Утка – Слободчиков; Утхолок – Чириков; Ковран – Новограбленный; Брюмка – Хметевский; Белоголовая – Хметевский; Морошечная – Петров (матрос), Хметевский; Сопочная – Баранников, Бутин (мореход), Перевалов (казак); Кихчик – Елагин (в память о морском офицере, строителе Петропавловска-Камчатского или в память о бывшем камчатском приказчике), Наумов (казак).

Благодаря этому документу, мы можем выделить основные группы фамилий, исторически закрепленные за теми или ины-

ми географическими точками или районами. Время, естественно, внесло свои коррективы: так, например, фамилия курильцев Лукашевских оказалась в связи с переселением в сс. Начики и Ганалы; фамилия машуринских камчадалов Мерлиных – в с. Голыгино на Западной Камчатке; ряд западно-камчатских фамилий появляется в долине р. Камчатки (например, Атласовы) в связи с активным переселением жителей северо- и юго-западных сел, которых обошли стороной эпидемии (1768 и 1800 гг.), унесшие тысячи жизней жителей центральной Камчатки. Но каждое такое переселение обязательно фиксировалось в документах, и при желании их можно было разыскать и проследить историю любой камчатской фамилии, тем более что в прошлом веке каждые 10 лет составлялись так называемые «ревизские сказки» – переписи инородцев-ясакоплательщиков. В ЦГА ДВ РСФСР (ф. 87, оп. 1) хранятся «ревизские сказки» за 1890 г., в которых перечисляются все фамилии жителей, как правило, всего 2–3 на все село. Там же хранятся списки жителей Камчатки, принявших участие в народном ополчении в период русско-японской войны 1904–1905 гг., – это было практически все взрослое мужское население полуострова, в том числе и представители коренного народа. Собственно, с перечислений этих фамилий и распределением их по местам постоянного проживания камчадалов в XVIII – начале XX веков мы и начинали свой экскурс в историю камчатских фамилий.

Не все понятно и с русскими старожильческими фамилиями, особенно с их сословной и национальной принадлежностью, которые могли изменяться в зависимости от каких-то административных решений: казаки при сокращении штата казачьей команды, дети священнослужителей, оставшиеся «за штатом», дети отставных военных могли быть причислены к сословию крестьян или мещан, а при переселении семей русских старожил в селения аборигенов русские очень часто записывались администрацией в камчадалы, то есть им менялся не только социальный, но и национальный статус.

Благодаря исследованиям А. С. Зуева («Восполняя белые пятна», Вопросы истории Камчатки, вып. 3, 2007 г., стр. 171–

172) мы имеем теперь полный список камчатских казаков, привлеченных к ответственности за их злоупотребления, ставшие причиной знаменитого Харчинского бунта 1731 года. В основе этого списка лежат фамилии многих патриархов старейших родовых камчатских фамилий, существующих на Камчатке и поныне. Как мы понимаем сегодня этот список – перечень камчатской казачьей знати начала XVIII века, облаченной высшей административной властью, злоупотребление которой и привело к Харчинскому бунту 1731 года, а затем и к бунту 1746 года, который возглавили Камчуга (сын камчадала и чукчанки) Алексей Лазуков и корякские тойоны Умьевушка (Дранка) и Ивашка.

В этом списке мы найдем и фамилии патриархов действующих камчатских родов камчадалов «русской крови», а также фамилии существующих по сей день династий аборигенов, у которых эти казаки были крестными родителями при крещении.

В Нижнекамчатском остроге повешен комиссар Иван Новгородов, бит батогами подъячий Федор Сухов, кнутом – комиссары Михаил Шехурдин и Михаил Петров, управитель Михаил Борисов, подъячий Еким Мухоплев, ясачные сборщики из числа казаков – Матвей Новгородов, Петр Чижевский, Гаврила Чудинов, Иван Каташевцов, Василий Конев, Петр Гурторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и казаки Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкий, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Константин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, монастырский служба Нижегородов, наказан шпицрутенами солдат Александр Змиев.

В Верхнекамчатском остроге был повешен ясачный сборщик Михайло Сапожников, биты кнутом казачий сотник Осип Верхотуров, ясачные сборщики Артемий Скрябин, Андреян Рюмин, батогами – Семен Путилов, Василей Новограбленой.

В Большерецком остроге повесили иркутского казачьего пятидесятника Андрея Штинникова, били кнутом казаков Осипа Соловьева, Матвея Новограбленого, Михаила Лепихина, Федора Лобанова, Андрея Марамыгина, Андрея Рубцова, Петра Евлатьева, Андрея Воронина, Григория Томилова, Онофрия Черкашенина, Луку Трескина, Лариона Волынкина, Григория

Келтякина, Петра Волынкина, Степана Вахрушева, Михаила Коткова, Федора Асламова, Ивана Лукашевского, Савву Усова, Василия Посникова, Василия Щеголева, Семена Вагина, Михаила Лепихина меньшого, Петра Матвеева, Семена Шарапова, Афанасия Попова, Михаила Лукашевского, Семена Сургуцкого, Петра Чупрова, Антона Хмылевского.

Казаки Верхнекамчатского острога после упразднения местной казачьей команды были записаны в крестьяне.

Большерецкие казаки были переведены в начале XIX века в селение Усть-Приморское (нынешний Усть-Камчатск). Позже туда же переведут и часть нижнекамчатских казаков, а другую их часть запишут в крестьяне.

Крестьяне Мильковского, Ключевского, Крестовского, Николаевского селений при переселении в Козыревск, Ушки, Толбачик, Щапино и другие селения аборигенов в долине реки Камчатка получали национальный статус аборигенов-камчадалов (так образовались «параллельные» фамилии «камчадалов» Рыковых, Кречетовых, Красноярковых, Демидовых, Подкорытовых и др., которые в действительности были русскими старожилками).

Дети камчатских казаков и даже священнослужителей, поверстанных в солдаты Камчатского гарнизонного батальона, становились солдатскими детьми. Например, обратим внимание на состав Камчатской экипажной роты за 1847 г.

Барабанщик – Яков Федорович Никифоров, уроженец Камчатской области (из династии камчатских священнослужителей Никифоровых). Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков – из камчатских казаков. В 1836 г. он служил на военном боте «Алеут», ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. – на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секерину (потомок камчатских ссыльных), разжалован из квартирмейстеров в матросы.

Миныхин, Помаскин – из камчатских солдатских детей.

Марсовый – Михаил Васильевич Расторгуев (из камчатских детей, из казаков).

В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом Па-

вел Васильевич Усов – из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте «Алеут» (из бывшего казачьего сословия).

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин – из казачьих детей. Григорий Иванович Винокуров – из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Варфоломей Осипович Копылов – из солдатских детей, уроженец Камчатки. Алексей Петрович Корякин – из солдатских детей, уроженец Камчатки (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299).

После расформирования Камчатского гарнизонного батальона (бывшего Сомовского полка) солдаты, пожелавшие остаться на Камчатке, были переведены частью в Камчатскую экипажную роту, а частью записаны либо в крестьяне, либо в мещане и поселены либо в Петропавловске, либо в его окрестностях – Старом Остроге, Халактырке, Сероглазке, Аваче, Хуторе, Николаевке.

Прошло немало лет с той поры, как в 1926 г. была совершена грубая ошибка, и коренные жители центральной и южной части полуострова утратили свою национальность. Теперь эта ошибка частично исправлена, и большинство камчадалов-аборигенов вернули свои исконные права коренных жителей этой земли.

Но на этом процесс не закончился – ведь бок о бок с камчадалами-аборигенами вот уже более трех столетий живут и трудятся потомки русских землепроходцев-казаков и крестьян, которые за эти три столетия образовали вместе с аборигенами единую большую камчатскую семью, имеющую общую духовную и материальную основу. Но у русских старожилов Камчатки до сих пор нет тех прав, которые имеют их родники, хотя и в тех, и в других течет одна и та же – породненная за столетия – кровь.

Поэтому, дай Бог, чтобы эта книга помогла и тем, и другим отыскать и защитить друг друга.

Отдельной самостоятельной группой являются фамилии переселившихся на Камчатку в XIX веке эвенов и алеутов.

О происхождении фамилий камчатских эвенов писал в свое время К. Г. Кузаков, в статье «Заметки об эвенах-быстринцах» («Краеведческие записки», вып. 1, Петропавловск-Камчатский, 1963 г.):

«Эвены Камчатской области проживают в Корякском национальном округе (520 человек) и Быстринском районе (590 человек). На территории Корякского национального округа они сосредоточены в основном в селах Аянка и Оклан Пенжинского района, Хаилино – Олюторского, Палане и Седанке Тигильского района. Первые сведения об эвенах нашего полуострова встречаются в дневнике исследователя Камчатки Карла Дитмара. Е. П. Орлова установила, что все эвены Быстринского района делятся на две, почти равные количественно, родовые группы: уяганскую и долганскую. Она констатировала 16 фамилий, которые носят быстринские эвены: Адукан, Амган, Банакан, Боркаут, Гилкан, Гимкан, Догдыч, Индан, Ичанга, Коерко, Колумский, Мандят, Пронч, Солодик, Тылкан, Черкан. Прежние эвенские имена, из которых образовались эти фамилии, указывают на тяжелое прошлое. Вот что, например, означают в переводе на русский язык их фамилии: Боркаут – кривоногий, Гимкан – голод, Гилкан – босой, голый, Банакан – ленивый, Диканов от Гимкан – голод. Встретилась эвенская семья с фамилией Неревля. Это слово обозначает людей, которые дают только разного рода указания, а сами не делают ничего».

Что же касается фамилии алеутов, то мы обнаруживаем также две параллельные группы фамилий, одна из которых принадлежит русским старожилам, породнившимся с алеутами, – креолам (отмеченные в исповедальных росписях Никольско-Иннокентьевской (о. Беринга) и Преображенской (о. Медный) церквях за 1893 год), а другая – алеутам, получившим эту фамилию от своих крестных отцов – русских зверопромышленников и креолов – Артамоновых, Бадаевых, Бурдуковских, Волокитиновых, Дурышиных, Кичиных, Корсаковских, Ладыгиных, Ламберт, Паньковых, Поповых, Прошевых, Селезневых, Старцевых, Степновых, Сушковых, Хабаровых, Шипицыных, Юрьевых, Яковлевых.